

ИГОРЬ ШИПОВСКИХ

Сказка о старом немце-колдуне
Ойгене Карловиче и его
одарённом пасынке Гюнтере

НОВЕЛЛА-СКАЗКА

Игорь Шиповских

**Сказка о старом немце-
колдуне Ойгене Карловиче
и его одарённом пасынке
Гюнтере. Новелла-сказка**

«Издательские решения»

Шиповских И. Д.

Сказка о старом немце-колдуне Ойгене Карловиче и его одарённом пасынке Гюнтере. Новелла-сказка / И. Д. Шиповских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937772-2

Сказка о милосердии и привязанности, о дружбе и разладе, о жадности и скромности, о приличии и ненасытности, о ненависти и сыновьей любви. В общем, обо всём том, с чем предстоит столкнуться юному отроку, оставшемуся с малых лет без родных. А действие этой истории происходит в далёком XIX веке в Москве в Немецкой слободке, где и обитает главный герой, который только с виду коварен и суров, хотя на самом деле он больше умен, рассудителен и знает, как дать отпор всякому распоясавшемуся разгильдяю...

ISBN 978-5-44-937772-2

© Шиповских И. Д.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

**Сказка о старом немце-
колдуне Ойгене Карловиче и
его одарённом пасынке Гюнтере
Новелла-сказка**

Игорь Дасиевич Шиповских

© Игорь Дасиевич Шиповских, 2018

ISBN 978-5-4493-7772-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Жил да был в прежние времена в Немецкой слободе один старый и достаточно странный германец. Поселился он там ещё в годы правления Петра Великого, а оттого никто доподлинно не ведал, сколько ему теперь лет, и чем он вообще занимается. Впрочем, никто и не спешил узнавать этого, а всё потому, что германец тот имел вид устрашающий и порой наводил ужас даже на своих собственных соотечественников. А что уж говорить о прочих жителях города, те его просто-таки боялись, и не приведи господь им встретить его где-нибудь на прогулке.

Завидев его, они тут же с трепетным придыханьем бросались на противоположную сторону улицы. И ведь не зря это делали, так как встреча с ним обычно не сулила прохожему ничего хорошего. А это потому, что германец тот слыл типичным знахарем-колдуном и чернокнижником, коих ныне осталось не так уж и много. С тех самых пор, как главным целителем на Руси был славный Яков Брюс, кстати, учеником, которого и являлся странный германец, они неумолимо повывелись. А звали того старика, как и подобает всем жителям немецкой слободы, чётко и хлестко, словно удар кнута – Ойген Карлович Заубер.

Вот такой загадочный и поразительно мрачный старик обитал подле Парадного замка государя, что располагался на Головинских прудах у речки Яузы. И не случалось ни одного дня, чтобы жители ближайшего околотка не проклинали его за те неудачи и напасти кои случались с ними. И будь то падёж скота или же пожар, во всём винили только его, но никак не самих себя. Хотя с другой стороны они, может быть, и были в чём-то правы. Ведь старик обитал рядом с ними и запросто мог навести на них порчу.

А обитал он в небольшом покосившемся домишке, где содержал крохотную аптекарскую лавку коя пользовалась популярностью лишь у малой категории жителей города, да и то всё больше бедняков и простых работяг. Богатеи же и зажиточные горожане обходили его лавку стороной. Им было даже и невдомек, откуда у такого скверного старика может быть аптека. Потому как аптекарями в то время обыкновенно становились люди образованные и с особыми знаниями. А тут тёмный мрачный немец, да ещё и с репутацией чернокнижника.

Но напрасно они так плохо думали о старом Ойгене Карловиче, ведь уж что-что, а толк в снадобьях и лекарствах он понимал, сказывалась былая выучка, полученная им ещё от Якова Брюса. Кому, каких пилюль от мигрени дать, или кому какую микстуру от кашля приготовить, он превосходно знал и разбирался в этом. Однако сие знание не помогло ему занять добрососедских отношений и обзавестись друзьями. Люди чурались его, и даже те, кому он помогал, избегали общения с ним.

Что поделать, репутация есть репутация, и её очень трудно изменить, даже если на самом деле ты не соответствуешь ей. Старик это прекрасно понимал, а потому особо не старался выправлять положение, и продолжал бродить по городу тёмной тенью, наводя на прохожих трепет и смятенье.

2

И всё бы это, наверное, так дальше и продолжалось, но вот как-то однажды в Немецкую слободу из-за границы погостить к своей двоюродной тётушке приехал один молодой напыщенный хлыщ модной наружности с изрядно несносными замашками. Ох, и сноблив же, дерзок да высокомерен он был. Всех округ себя называл отсталыми карлами, и даже своей милой хлопотунье тётушке дал презрительное прозвище Frau Dick, что на русский манер означало «толстая баба». Ну а той приходилось всё это терпеть от него, ведь как-никак родственник, хоть и с отвратительным характером.

Возможно, единственной его добродетелью была привычка без сожаления расставаться с деньгами, а уж их-то у него было вдоволь. А всё потому, что его родители там за границей имели большое, прибыльное дело, и он, пользуясь этим, безмерно транжирил их состояние. Ну а в немецкую слободу он приехал всего лишь для собственного развлечения. От томного безделья и напрасного сидения у себя дома, у него возникло желание посмотреть, как живут его соотечественники в России. А приехав к ним, стал бессовестно надсмехаться над их незамысловатым бытом.

С таким неуважением и пренебрежением к сродственникам, оказавшимся волею судеб на чужбине, не относился ещё никто. Тётушку он постоянно упрекал даже в самых незначительных мелочах, соседей же всячески шпынял и поучал, как им надо жить. И вообще, вёл себя так отвратительно и безобразно, как может вести себя на Руси только пришлый иноземец, которому за это никогда и ничего не будет. Бывало, выйдет на улицу, ступает по слободке, тростью своей костяной размахивает, и обязательно кого-нибудь да заденет.

– Эй, ты dummkopf (олух) чего у меня на дороге встал? А ну пошёл прочь schwein (свинья)! – орёт он на прохожего да костяшкой своей в него тычет. Уж такой стервец был, что спасу от него никому не было, ни бедному, ни богатому, всех забижал. Бедняка тростью отходит, середняка тумачами наградит, а богатого словом обругает. Да при этом всегда старался показать насколько он капиталом одарён, и нарочито кичился своим финансовым превосходством. Какой-нибудь состоятельный горожанин начнёт возмущаться да замечание ему делать, так он тут же кошелёк достанет, вынет из него ворох купюр и перед носом у того ими машет.

– Вот вишь сколь у меня денег?! На-ка бери, ... это тебе за беспокойство! Да впредь терпи, когда с тобой человек богаче тебя разговаривает! – гаркнет он горожанину, да сторублёвую ассигнацию в карман ему сунет. Ну, тот сразу же и присмирееет, а наглец дальше разгуливать идёт и по-прежнему всех оскорблять продолжает.

3

И вот гулял он себе так, бродил, людей будоражил, надсмехался над ними, спесь свою показывал, как вдруг в один прекрасный вечер встретился ему на пути старик Ойген Карлович собственной персоной. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, их встреча была предрешена и неизбежна, потому как ходили они по одним и тем же улицам.

Шёл старик, как обычно ссутулившись, сгорбившись. Ступает по краю улицы, словно тень, никого не трогает, идёт не спеша, а ему навстречу хлыщ напыщенный, и даже его не замечает, смотрит высоко, нос задрал, и кто там внизу сгорбленно крадётся, его не касается. Вот и нашла коса на камень. Налетел хлыщ на старика, да споткнувшись об него в грязную лужицу, что после вчерашнего дождя осталась, со всего маха угодил.

– Ты чего это *donnerwetter* (чёрт побери) у меня под ногами мешаешься! Да я из-за тебя старый хрыч новые сапоги в грязи испачкал! Ах ты, пень трухлявый! Вот я тебя проучу! Ох, и получишь же ты сейчас у меня! – орет, разоряется хлыщ на старика, да тростью у него над головой машет, вот-вот ударит.

А Ойген Карлович спокойно стоит, молчит, не отвечает. Достал из кармашка какую-то маленькую коробочку на вроде табакерки, крышечку с неё снял, да пальцем вовнутрь её наминать стал, как будто что там утрамбовывает. Ну а люди кои мимо них проходили, видят такое дело, остановились чуть поодаль, и давай глазеть-смотреть, что дальше будет. Уж очень им интересно стало, чем всё закончится.

Ну а хлыщ поорал так, покричал минуту-другую, повозмущался, но ударить Ойгена Карловича всё же не посмел. Может, струсил, а может взгляд у старика ему тяжёлым показался, но только спустя буквально ещё секунду он как-то вдруг быстро затих, весь скукожился, будто в росте убавил, лицом осунулся, и полегоньку дальше пошагал. Но уже не такой бодрой, как раньше походкой, а согнувшись в три погибели, сильно прихрамывая, притом изрядно опираясь на трость, которой только что тут так бравировал.

Браз переменялся хлыщ, а Ойген Карлович, как ни в чём небывало закрыл эту свою коробочку-табакерку, в карман её убрал, чинно поклонился, всем кто за этим наблюдал и, хитро ухмыльнувшись, пошёл по своим делам. А люди стоят глазами хлопают, и поверить в такие перемены не могут, старик за считанные минуты из хлыща забияки сделал немощного инвалида, заколдовал наглеца-негодяя. Но едва Ойген Карлович скрылся за поворотом, как все тут же бросились врассыпную. А уже на следующее утро вся слобода была полна слухами об этом происшествии. Пожалуй, только глухой ещё не слышал о заграничном хлыще-моднике, который вмиг превратился в развалину.

Ну, слухи слухами, а ведь иноземному гостю и вправду очень худо стало. Все самые лучшие доктора к нему сбежались. Диагнозы ставят, хлопочут вокруг, а понять ничего не могут, почему это молодой и цветущий юноша в одночасье здоровье потерял. И каких только болезней у него не нашли, и бронхит, и рахит, и артрит и даже детскую золотуху. День его лечат, второй, а вылечить не могут. И те огромные деньжищи, которые хлыщ докторам заплатил, не помогают ему оклематься. Ну не поддаются лечению его заболевания и всё тут. А отчаянные старания докторов впустую тратятся.

– Да уж... – говорят они, – без колдовства здесь явно не обошлось... – и только головой кивают. Ну, тётушка дожидаться не стала, пока её племяннику совсем плохо станет, и давай его быстрее за границу домой собирать. Рассудила она просто, мол, климат ему наш не подходит, нахватался всяких местных зараз да хворей, вот и не лечится, а там дома тамошние доктора его сразу на ноги поставят. Заказала дорожную карету, усадила его туда и отправила подобру по-здорову, только его и видели.

А уже через полтора месяца про этот случай все забывать стали, да мало ли чего ещё интересного могло случиться за это время. И вроде бы вскоре вообще всё успокоилось, но тут вдруг из-за границы пришла необыкновенная новость. Дескать, так и так, хлыщ тот неожиданно выздоровел, излечился, и от всех своих непонятных недугов избавился. И случилось это, мол, потому, что он внезапно из наглеца повесы добровольно обратился в монахи и ушёл простым послушником в самую дальнюю кирху. Вот уж здесь люди изумились-поразились, а по Немецкой слободе вновь поползли пытливые слухи. Дескать, как же так получается? Выходит, старик Ойген Карлович своим колдовством вовсе и не загубил наглого хлыща, а наоборот, облагородил, новую жизнь ему дал, преобразил в духовного человека и отправил былые грехи отмаливать.

И тут люди стали припоминать другие такие же случаи, кои приключились со многими прочими состоятельными обидчиками старика. Вспоминали, вспоминали, и вдруг выяснилось, что практически все эти обидчики сейчас в городе среди почтенных людей не живут, а где-то по дальним деревням и весям обитают. Пришёл на ум и случай с зажиточным купцом скопидомом, который в не таком уж и близком прошлом спустил на Ойгена Карловича дворовых собак. Оказалось он теперь прозябает золотарём в каком-то уездном городишке на окраине самой отсталой губернии. И тут же заметили, что некий наглый чинуша с тайного приказа, кой норовил у старика домишку да аптеку за долги в свою пользу оттяпать, внезапно в Сибирь за мздоимство потянули, и он, мол, ныне где-то за Уралом в рудниках тачку катает. Да и толстого попа с соседнего прихода, что в своих проповедях о знахарских промыслах аптекарей нелестно отзывался, тоже вспомнили. Так уж вышло, что с прошлой осени он в дремучем лесу за горбатыми горами скит себе выложит да в нём и обосновался. А к концу дня таких воспоминаний набралось большое множество.

Люди даже и не ожидали, что этот мрачного вида старик своим колдовством избавил город от скольких нерадивых и недостойных жителей, ведь, в общем-то, все эти чинуши, купцы и попы были скверными негодяями. И теперь Ойген Карлович в глазах горожан показался не таким уж и ужасным человеком. Однако страх копившийся в их душах многие годы так и остался. Насколько же всё-таки порой бывают в нас сильны старые предубеждения. И люди по-прежнему, как и раньше, а некоторые может быть и с ещё большей опаской стали избегать встреч со стариком «Карловичем», это так его принялись величать после того памятного случая.

Ну а местные ребятишки со слободки даже придумали новую забаву с таким названием – «Карлович». Чем-то она напоминала игру в прятки. Тот из ребят кто водил, тот и был «Карловичем», а кого он находил, тот сразу же поступал к нему в подчинение, и словно замороженный не смея прекословить, выполнял все его указания. Вскоре эта игра стала такой привычной, что имя Карлович не сходило с ребячьих уст. Но к самому старику недоверие всё же так и не пропало. Завидев его, ребятишки тут же убегали, стараясь не попадаться ему на глаза. Хотя и некоторые отчаянные головы могли себе позволить понаблюдать за ним издалека, опасливо поглядывая, как он одиноко ковыляет по городским улочкам.

Впрочем, прошло совсем немного времени и его положение с одиночеством резко изменилось. Приключился один очень забавный казус, после которого некоторые жители Немецкой слободы, ставшие его свидетелем, вдруг осознали, каким же, на самом деле, человеком является старик. А случилось это так.

4

Как-то после обеда Ойген Карлович по своему обыкновению отправился на Гловинские пруды собирать целебную траву для своих снадобий. И едва он нагнулся, чтобы сорвать первый пучок, как вдруг выскочив из-за деревьев, мимо него пронеслось двое разгоряченных обломов из полицейского участка.

– Эй ты! Мальца белобрысого здесь не видал! – на ходу гаркнул один из них.

– Нет! Да я вообще только что пришёл... – лишь успел ответить старик, как обломы вновь скрылись в зарослях ивняка.

– Ну надо же такие здоровяки а мальчика ловят,... не нашли ничего другого чем заняться... – укоряюще прошептал про себя Ойген Карлович и продолжил начатое. Но тут из кустов рядом с соседней поляной выпрыгнул светловолосый мальчишка и быстро бросился бежать по тропинке, ведущей к реке.

Напрасно он это сделал, лучше бы уж сидел на месте. Выскочив из укрытия, он обнаружил себя, чем тут же предрешил исход погони. Разумеется, длинноногие обломы тут же его заметили и в два счёта нагнали. И как бы он не брыкался и не вырывался из их цепких лап, всё было тщетно. Силы были неравны и обломы его прочно сковали.

– Ага, попался голубчик! Ну, теперь тебе конец,... ох и намаялись же мы за тобой гоняться! Всё хорош,... пошли в околоток,... там тебе допрос учинят,... ответишь, отчего ты важным господам жить мешаешь! – злобно пыхтя, заголосили на мальчика обломы, да волоком его потащили. Бедный мальчишка так ослаб, что совсем на ногах не держался, безвольно повис у них на руках. И так бы они его, наверное, и тащили, но внезапно в это безобразие вмешался Ойген Карлович.

– Вы бы его хоть приподняли,... а то ведь он так весь пообобьётся... – сделал он замечание.

– А ты ещё кто такой чтобы нам указывать! – проходя мимо старика, гаркнул старший из обломов, и свободной рукой ткнул его в грудь. Ойген Карлович пошатнулся слегка, отпрянул чуток, и тут же метнул в обидчика такой грозный взгляд, что того сразу парализовало. Здоровяк вмиг встал как вкопанный, не смея дальше и шага ступить, а его напарник, не совсем ещё понимая, что произошло, резко замер и уставился на старину Карловича.

– Это ещё что такое? Ты чего это дед наделал? – тупо вытаращив глаза, заорал он.

– А ты сам-то как думаешь? – спокойно, словно ничего и не случилось, переспросил его старик.

– Да я-то, откуда знаю,... это же ты чудишь! Мы-то чё,... мы люди служивые,... нам велено пацана поймать и в околоток отвезть,... то мы и делаем,... а тут ты явился, да фокусы свои кажешь! – обалдев от столь неожиданного вопроса, грубо провопил напарник.

– Вот и я про тоже,... каждый должен занимается своим делом,... и должен им заниматься добросовестно,... а вы что творите? Два здоровяка оболтуса над мальчонкой издеваетесь,... да ещё и меня, старца почтенного, обидеть норовите... так дела не делаются. Я ведь вам по-доброму, по-хорошему замечание сделал, а вы в меня своими ручонками тычете... – тщательно выводя каждое слово, произнёс Ойген Карлович и медленно в потайной кармашек за своей корбочкой-табакеркой полез.

А меж тем на пригорке, что напротив пруда высился, разного народу целая куча набежала, и все смотрят, что дальше будет. Ну а облом чувствует, старик перед ним какой-то необыкновенный стоит, струхнул слегка, и давай уже по-другому разговор вести.

– Ты чего это дедуля затеял?... погоди-ка не сердчай,... ты ведь пойми, наше дело подневольное,... нам приказано мы и выполняем. А то, что старшой тебя толкнул,... так ты уж прости его,... ему сейчас и так несладко. На нём вчерась наш главный полицмейстер злобу свою

вымещал,... шомполом по спине ни за что, ни про что отходил,... вот он и сам не свой... – оправдываясь, залепетал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.